

СПОТЫКАЧ

ведущий рубрики-сергей юрский

КОГДА НЕТ ВЫХОДА —
ВРЕМЯ ЛЮБИТЬ

Новая изд-2000-18-24 Дек.-0.22

Действительно, пора уже, черт подери, любить чего-нибудь. Хватит дурака-то валять! Год кончается, век кончается. Мало того, целое тысячелетие на наших глазах концы отдает. А мы всё... да ладно, сами, небось, знаете.

Что это за тяга такая — чуть чего, сразу ругаться! Ну буквально никого пальцем не тронь. В метро, к примеру, это ж не дай бог к кому-нибудь прислониться — сразу в крик: «Не жмите! Жену свою дома жмите! Весь бок отдали! Держитесь за что-нибудь! Ведите себя как положено!» А чем держаться? В одной руке сумка, а в другой — стаканчик мороженого. Чем держаться? А она свое: «Вы же капаете мне на пальто! Развели безобразие в вагоне». Народ кругом молчит. Уткнулись каждый в свою ерунду и читают! А другие вроде спят — головы мотаются туда-сюда. И главное, перегон какой-то особенно длинный. Едем, едем, никак никуда не доедем. Все мы друг к другу приплюснуты, и потому жарко. Ну и, естественно, мороженое слегка подтаивает, стаканчик вафельный промокает. «Отодвиньтесь!» — прямо-таки визжит эта дама. А куда я могу отодвинуться? Обстоятельства такие, что все мы находимся в сплоченном единстве, и вырваться из него нет никакой возможности.

Я нарочно так подробно анализирую эту ситуацию, потому что из нее, мне кажется, очень важные выводы для себя можно сделать.

Так вот: едем — это раз, все в пальто, потому что время зимнее, — это два, жара и духотища, потому что нас излишне много, — это три, мороженое тает, и верхняя часть его начинает заваливаться из стаканчика набок — это четыре. Вот такая обстановка. Я решаю одним махом слизнуть всю эту верхушку в целях непопадания ее на одежду окружающих. Вывываю язык.

В этот момент по не доступным пониманию причинам машинист резко тормозит. Настолько резко, что, может быть, даже это не машинист, а кто-нибудь из пассажиров по срочной нужде рванул стоп-кран. Мы, естественно, всей массой с криком «Г-э-э-к!» подаемся вперед, налегая друг на друга. Моя рука со стаканчиком, зажата другими телами, отстает от моего лица, и вместо мороженого я облизываю щеку гражданина кавказской национальности, который, воздев руки к потолку, читает газету «СПИД-инфо».

Кавказец косит на меня воронным глазом и шипит: «Это еще что такое?» А какой-то дребезжащий тенорок справа блеет: «Товарищи, бога ради, чего это у меня там за шиворот ползет — холодное и мокрое, снимите с меня!» И я вижу, что верхней набрякшей части стаканчика уже нет.

Тут состав резко дергается вперед, а мы в едином порыве отшатываемся назад — «Г-а-а-к!». Поезд набирает ход. А в вагоне

вследствие такой встряски начинаются общая неразбериха и переканка. Только и слышно: «А вы что?» — «А я что?» — «Ну и все!» Конечно, и более грубые слова звучат тут и там. И сквозь все это пробивается тенорок: «Товарищи, течет, что ли, на меня? Посмотрите, откуда!»

А молодой басок сверху: «Успокойтесь, это мороженое на вас тает. Я бы снял, да руки зажаты».

Тогда та первоначальная женщина завывает: «Ах, это все тот тип со стаканчиком никак успокоиться не может! Что ж вы, мужчины, молчите?!»

Строгий голос из дальнего угла: «А почему вообще его пустили в вагон? Вход с мороженым запрещен постановлением горисполкома от июля одна тысяча девятьсот шестьдесят девятого года. И, насколько я знаю,

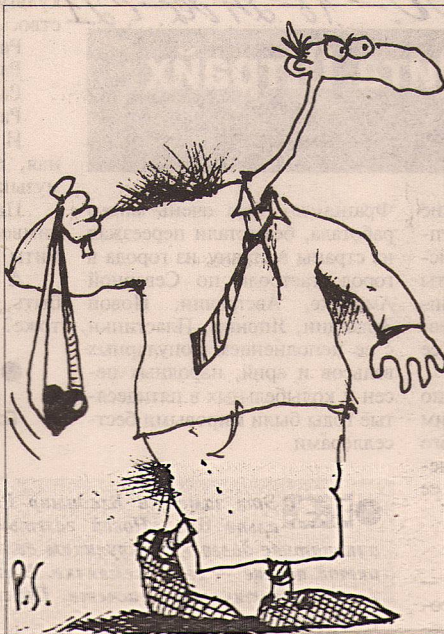

Рисунок С. ДУХАНОВА

этого постановления никто не отменял».

«Вывести его! Немедленно!»

«Куда вывести? Мы ж едем!»

«На следующей выходите?»

«На следующей все сойдем — надо разобраться».

«Нельзя оставлять безнаказанным! Довольно!»

«Доигрались с демократией и вседозволенностью!»

«Вот на этом и паразитируют всякие олигархи!»

«Продыхнуть от них некуда!»

«Накрали денег, попрятали в швейцарские банки и раскатывают теперь в метро как ни в чем не бывало!»

А поезд идет, и остановки все нет. А кавказский человек смотрит на меня огненным глазом и шепчет что-то вроде: «Я из принципа могу дать в рожу любому».

Не то чтобы я испугался, а просто... да нет.. если честно, то я испугался. Ну, меня тоже понять можно — такая, мягко говоря, недобрая атмосфера вокруг сгущается. И главное, с мороженым-то действительно нельзя в метро. Как меня угораздило? Я даже не помню, как я вошел. В карман я его сунул, что ли? Но теперь понимаю — всё, любыми способами надо от него избавляться! Тем более уже течет прямо сквозь вафельку, и капли попадают в рукав моей невольной поднятой руки. Я дернулся, изловчился, извиваясь среди чужих шершавых тел...

Сперва подумал: задохнусь! Вот прямо сейчас задохнусь и даже упасть не смогу, потому что некуда. Потом чувствую — жив. Только настоящее, полнокровное ОРЗ с переходом в ангину и бронхит мне обеспечены — я себя знаю. И берет меня, признаюсь, ЗЛОБА на всех этих баб и мужиков, на всю эту массу, частью которой я сам являюсь.

В это время поезд начинает скрежетать и тормозить. Посветило в окнах, раздвинулись двери, и все мы, чертыхаясь, вывалились в ровное пространство подземной платформы. После долгой сплюснутости каждый постарался прежде всего как-то отделиться. Расправить, так сказать, члены. А потом уж мы поглядели друг на друга.

И тут — странное дело, даже удивительно — не узнаём, кто есть кто. Представляете? Вот правильно сказал поэт: «ЛИЦОМ К ЛИЦУ ЛИЦА НЕ УВИДАТЬ». Именно так! Там, в вагоне, мы были настолько «лицом к лицу», что казалось — одни хари. А тут, на платформе, смотришь — вроде ничего, нормально. Обычные люди. Только памяти. И я, представьте, НЕ УЗНАЮ ни эту визгливую, с которой все началось, ни козлетона, которому за шиворот попало. Даже, верите, любителя «СПИД-инфо» кавказской национальности — то ли его не вижу, то ли в новом пространстве не узнаю. Вот дела! И меня ведь не узнают! Мстить хотели, а теперь не знают, кому! Мороженого-то у меня нет. А в остальном — личность как личность, нормальная, незаметная. Постояли мы и начали помаленьку рассасываться кто куда.

И вот я думаю: господа, в канун нового ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ надо бы нам опомниться. А? Нет, серьезно! Надо бы нам попробовать больше любить друг друга. А? Понимать, что отчасти и мы виноваты, когда лезем, к примеру, с мороженым куда не надо. И нервы не только у нас, но и у других людей. Другие люди, конечно, поуже, чем мы, но все-таки... если попробовать с другой точки зрения.

И вот я снова и снова переживаю этот яркий эпизод из моей жизни и стараюсь мысленно полюбить визжащую женщину. Я думаю, может быть, у нее муж сволочь и ей надо посочувствовать. Я стараюсь понять кавказца в нынешних непростых обстоятельствах, когда от всего происходящего хочется целиком уйти хоть в «СПИД-инфо».

Я даже готов простить знатока законов, касающихся мороженого. Это трудно, но я стараюсь. Я мысленно приношу всем извинения за мое ошибочное поведение, за возникавшую (признаюсь, признаюсь!) мысль: «Чтоб вы все слохли!» Это ошибка, это моя ошибка! Я каюсь!

Но и вы же со своей стороны покайтесь и не смотрите на меня с такой дикой ненавистью. Надо полюбить друг друга, несмотря на все препятствия. Надо попробовать. Сейчас самое время любить. Позже уже не успеть — конец века.

70